

Мысли о Россіи

(Национально - религиозныя основы большевизма: пейзажъ, крестьянство, философія, интеллигенція*).

Въ очень запутанномъ спорѣ очень полезно время отъ времени ставить не только противнику, но и себѣ самому самыя простецкіе, самыя дурацкіе вопросы; какъ это ни странно, но простецкая постановка запутанныхъ вопросовъ весьма часто приводитъ къ существеннымъ отвѣтамъ. За послѣдніе годы мнѣ пришлось не разъ говорить съ нѣмцами, только что пережившими, какъ и мы, революцію, о русскихъ событіяхъ. Въ разговорахъ этихъ я каждый разъ только руками разводилъ, когда меня съ систематическимъ упорствомъ всегда спрашивали объ одномъ и томъ же: какъ могло случиться, что революція крестьянъ вылилась въ форму пролетарской диктатуры, и чѣмъ объяснить, что малоразвитой русскій мужикъ развернулъ въ своемъ революціонномъ порывѣ всю полноту современныхъ религиозно-культурныхъ проблемъ, въ то время, какъ стоящій на гораздо болѣе высокомъ уровнѣ нѣмецкій народъ не обнаружилъ въ своей революціи рѣшительно никакого интереса къ вопросамъ высшаго порядка.

Что отвѣчать, въ самомъ дѣлѣ, на такіе простецкіе, дабы не сказать, дурацкіе, вопросы? Не ясно ли всѣмъ намъ, изнутри чувствующимъ происходящее въ Россіи, что ни о какой диктатурѣ пролетаріата не можетъ быть и рѣчи! Не примелькались ли всѣмъ намъ газетныя размышленія о томъ, что въ Россіи властвуетъ не русскій пролетаріатъ, а прикрывающаяся его именемъ коммунистическая партія; что диктатура пролетаріата есть въ сущности диктатура

*) Настоящая статья, какъ и двѣ послѣдующія, представляетъ собою переработку моихъ лекцій по социологіи русской революціи, читанныхъ мною на культурно-философскомъ отдѣленіи Дрезденскаго Политехникума въ 1926 году.

коммунистической головки надъ обезглавленнымъ пролетариатомъ. Не ясно ли намъ и другое, — что никакой полноты религиозно - культурной проблематики русской мужикъ въ своемъ революціонномъ порывѣ и не думалъ развѣртывать, что выпретенная коммунистическая выдумка по вопросамъ высшаго порядка не имѣетъ рѣшительно ничего общаго ни съ культурною темнотою русскаго мужика, ни съ тою мыслью, которая, быть можетъ, и свѣтитя въ глубинѣ этой темноты?

Все это безспорно ясно, и все же всею этою ясностью мы въ концѣ концовъ врядъ ли въ правѣ отмахнуться отъ тѣхъ простецкихъ вопросовъ, которые намъ задають дѣйствительно мало что смыслящіе въ русскихъ дѣлахъ иностранцы.

Конечно, никакой пролетаріатъ въ Россіи не властвуетъ, но все же большевики властвуютъ его именемъ! А развѣ имя отдѣлимо отъ нарекаемой имъ реальности? Развѣ оно не составляетъ одной изъ наиболѣе существенныхъ частей ея?

Конечно, коммунистическая фраза высшаго порядка глубоко чужда міросозерцательной невнятицѣ и духовной маятѣ мужицкаго бунтарства; но развѣ не непонятная встрѣча этихъ чуждыхъ другъ другу началъ такъ остро поставила передъ всѣмъ міромъ цѣлый рядъ глубочайшихъ религиозныхъ и культурныхъ проблемъ?

Если же такъ, если въ простецкихъ вопросахъ иностранцевъ дѣйствительно таится столь существенный смыслъ, то намъ презрительно отмахиваться отъ нихъ никакъ не приходится: — быть можетъ оно и вѣрно, что «со стороны виднѣе»!

Между русской и нѣмецкой революціей много общаго: обѣ подготовлялись одними и тѣми же идеями революціоннаго марксизма; обѣ случились во время войны; обѣ (нѣмецкая вслѣдъ за русской) организовали совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. И все же, несмотря на эту тройную связь, между нѣмецкой и русской революціями гораздо меньше общаго, чѣмъ между русской и французской 1789 г., отдѣленныхъ другъ отъ друга существенною разницей идей, эпохъ и организаціонныхъ формъ. Говоря кратко и, потому, по формѣ нѣсколько парадоксально, коренное отличіе русской революціи отъ нѣмец-

кой заключается въ томъ, что русская, какъ и великая французская, подлинно революція; нѣмецкая же, не только не великая революція, но въ сущности вообще не революція, а всего только ускоренная и обостренная эволюція. Это чувствуютъ и сами нѣмцы: какъ тѣ, что со скорбью говорятъ о сорванной, несостоявшейся революціи, такъ и тѣ, что горды тѣмъ, что пожаръ былъ, слава Богу, во время потушень. Что же, однако, не дало разгорѣться пожару? Отсутствіе горючихъ идей или распорядительность пожарной команды?

Думаю, что каждый, кто безпристрастно прочтетъ книги Ленина, Бухарина, Троцкого и другихъ вождей русской революціи и сравнитъ ихъ съ писаніями нѣмецкихъ социалистовъ лѣваго крена, съ писаніями Розы Люксембургъ, Густава Ландауэра, Лукача и другихъ, ясно увидитъ, что у русскаго коммунизма никогда не было ни одной подлинно своей и подлинно большой идеи; что съ точки зрѣнія идейнаго богатства нѣмецкая коммунистическая головка была не только не слабѣе, но во много разъ сильнѣе русской. И все же она ничего не сдѣлала; всѣ ся революціонныя идеи остались внѣ революціи; нѣмецкая революція какъ то сразу идейно обезкрылила, съ мѣста отяжелѣла дѣловитостью. Отчасти такое безсиліе коммунистической идеи надъ революціонной стихіей объясняется чрезмѣрною духовною сложностью идеологовъ нѣмецкаго коммунизма, въ гораздо большей степени напминающихъ Блока эпохи написанія «Двѣнадцати», чѣмъ Ленина, съ атавистическимъ примитивизмомъ его міро-чувствія и міросозерцанія. Но главная причина, конечно, не въ этомъ, а въ томъ, что партія дѣловыхъ людей (а дѣловой человѣкъ есть въ каждомъ, даже и въ самомъ партійномъ европейцѣ) одержала быструю побѣду надъ идеологами какъ лѣваго, такъ и праваго лагеря. Главная причина въ сговорѣ старо-имперскихъ чиновниковъ съ чиновниками революціи, съ секретарями социалистическихъ партій, съ социалистическими членами парламентскихъ дѣловыхъ комиссій, съ вождями профессиональныхъ союзовъ, однимъ словомъ, — со всѣми тѣми дѣловыми элементами организованнаго социализма, что выросли въ привычкѣ бороться за свои идеалы не столько на путяхъ ихъ торжественнаго провозглашенія, сколько на путяхъ тактическаго отступленія отъ нихъ. Эти люди какъ то сразу подмѣнили великую тему всякой революціи, тему о не-

возможномъ преобращеніи жизни, темою ея возможнаго преобразованія; сразу же твердою рукою принялись за осуществленіе историческаго смысла своей революціи, рѣшительно повернувшись спиной къ ея сверхъ-историческому сверхъ-смыслу, къ смыслу взрыва всѣхъ смысловъ. Въ Россіи такихъ дѣловыхъ гасителей революціоннаго пламени не нашлось. И благодаря этому общая обѣимъ революціямъ идея пролетарія сверхъ-человѣка разгорѣлась у насъ съ фантастическою силою.

Ограниченная въ Германіи соціально - политической сферой, она пламенно перекинулась у насъ во всѣ области духовной жизни: объявила религію «опіумомъ для народа», семью — оплотомъ реакціи; проституцію — свободной любовью; конструктивизмъ и супрамагизмъ — революціоннымъ, натурализмъ и импрессионизмъ — революціоннымъ искусствомъ; заняла на научномъ фронтѣ вполне опредѣленные метафизическія и даже гносеологическія позиціи. Нигдѣ не ограничиваясь теоретическимъ провозглашеніемъ своихъ утвержденій, она всюду страстно боролась за ихъ осуществленіе, не брезгуя никакими средствами, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями, слѣпо вѣруя, что сущность революціи въ томъ «**философствованіи молотомъ**», о которомъ говорилъ Ницше, что коммунистической вѣрѣ дѣйствительно подъ силу двигать горами.

Такъ объясняется тотъ безусловный фактъ, что въ нѣмецкой революціи побѣдила тема исторической законопослушности, а въ русской тема революціоннаго исторіоборчества.

Въ Германіи многіе (причемъ, духовно весьма значительные) круги остро чувствуютъ эту разницу: стыдятся своей революціонной провинціальности и всею душою тянутся къ «великой русской революціи, исполненной міровыхъ проблемъ и заданій».

Отрицать грандіозный размахъ русской революціи, ея пока еще не учитываемое значеніе для судебъ всего міра, ея подлинно русскую страстную тягу къ вопросамъ высшаго порядка, конечно, не приходится. Но и признавая все это, намъ все же надлежитъ и самимъ себѣ сознаться, а за одно уже и любезнымъ иностранцамъ выяснить, что столь увлекающая ихъ идейная напряженность русской революціи весьма сложнаго состава и коренится отнюдь не въ особой высотѣ нашей революціонной идеи (идея про-

летарія — сверхчеловѣка въ русской революціи та же, что и въ нѣмецкой) а въ отсутствіи во всѣхъ насъ, ея творцахъ и дѣятеляхъ, духа творческой созидательности и законопослушной дѣловитости*). Немного больше европейской выдержки, европейскаго чувства возможнаго, европейской политической вышколенности, и русская революція быть можетъ и превратилась бы въ такое же провинціальное (т. е. подлинно національное) дѣло, какъ и нѣмецкая, не распольхалась бы на весь міръ злымъ, большевицкимъ пламенемъ. Эта связь идейной напряженности и какой-то высшей недѣловитости, прекрасно уживающейся съ напряженнѣйшею дѣятельностью, представляется мнѣ очень глубокою и очень страшною проблемой. Можетъ быть въ ней, въ этой связи, и надо прежде всего искать отвѣта на то, почему русскій мужикъ былъ нареченъ русской революціей пролетаріемъ, пролетарій — сверхчеловѣкомъ, Марксъ пророкомъ сверхчеловѣчества, и почему вся эта фантастика одержала въ Россіи столь страшную побѣду надъ Россіей.

Правы ли позитивистическіе соціологи, выводящіе свойства народнаго характера изъ географическихъ и климатическихъ условий, или правы ихъ противники метафизики - духовѣры, утверждающіе, что всякій народъ селится среди природы, близкой его безсмертной душѣ, фактъ остается фактомъ, что душа всякаго народа похожа на душу того пейзажа, среди котораго онъ живетъ, на душу той земли, которую онъ воздѣлываетъ и застраиваетъ.

Опредѣлить сущность русскаго пейзажа русскому глазу нелегко. Евразійцы говорятъ объ океанѣ - материкѣ. Этимъ новымъ словомъ хорошо передается то впечатлѣніе, которое Россія издавна производила на всѣхъ путешествовавшихъ по ней иностранцевъ. Средне, и въ особенности южно - европейскій пейзажъ — это безконечное скупо отмѣренными Европѣ пространствами — совсѣмъ не просторы. Россія не то; російскія пространства — подлинно просторы: просторы, не загроможденные никакими формами; просторы, залитые разливами лѣсовъ, полей, болотъ и рѣкъ. Сущность русской природы безформен-

*) Ср. исторіи нѣмецкой революціи Штребеля, Бернштейна, воспоминанія Макса Баденскаго и брошюру Э. Ледерера *Einige Gedanken zur Soziologie der Revolution*, Leipzig 1918.

ность, но, конечно, не въ смыслѣ малой выразительности ея формъ, а въ смыслѣ качественной особенности выражаемаго этими формами содержанія.

Всякое отрицаніе формы, всякое формоборчество таитъ въ себѣ два внутренне - противоположныхъ и все же часто связанныхъ другъ съ другомъ начала: начало мистическаго утвержденія превыше всякой формы пребывающаго и ни въ какой формѣ полностью не выражимаго абсолюта и начало варварскаго отрицанія всѣхъ формъ культурнаго творчества. Для основной темы русскаго пейзажа, для темы переливающейся въ Азію средне-русской равнинности характерно то, что оба эти начала звучать въ ней съ одинаковой силой.

Рѣдкая сътъ желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ, скупо разбросанные каменные города и усадьбы, безконечные топки, то пыльные проселки, животрепещущіе, горбатые мосты, которые надо объѣзжать вбродъ, бревенчатые, подъ соломою избы, шелудивые, изъ необчищенныхъ жердей, плетни — все на авось проложенное, **проѣзжанное**, протоптанное, кое какъ, на глазъ, изъ подручнаго матеріала сложенное и справленное! Во всемъ изумительное единство стиля, основанное на полномъ подчиненіи формъ жизненнаго устройства безформенности застраиваемой земли, но и варварское отсутствіе всякаго тяготѣнія къ культурѣ, но и чисто русское упорствование въ своемъ исконномъ убожествѣ. Да, убожествѣ! Быть можетъ, это самое точное опредѣленіе деревенской Россіи. Но только надо конечно помнить до чего глубоко прочувствована въ народномъ представленіи убожества и юродства діалектическая связь между исторгнутостью изъ міра и спасенностью въ вѣчности, между видимой оставленностью Богомъ и таинственною укрытостью въ немъ, между варварскимъ, циничнымъ отрицаніемъ формъ и законовъ нормальной жизни и мистическимъ отрицаніемъ творчества, какъ высшей нормы духовно-напряженнаго житія. Самая глубокая сущность русской природы, что пытался, но не смогъ выразить (духовно не осилилъ) Нестеровъ, въ томъ, что въ ней естественны убогіе и божьи люди.

По сравненію съ красотой Западной Европы, эстетическое содержаніе средне-русскаго пейзажа вообще, конечно, не красота. Ничто не останавливаетъ взора, не приковываетъ, не насыщаетъ, не ослѣпляетъ его. Красота русской природы — невидимая красота: она вся въ чувствѣ

легко и неустанно размыкающихся и разступающихся горизонтовъ. Она не столько красота на горизонтѣ, сколько красота за горизонтомъ.

Конечно, горизонты разступаются на всемъ земномъ шарѣ. Но тамъ, гдѣ раздвигаясь они выдвигаютъ изъ нашего поля зрѣнія однѣ красоты и вдвигаютъ другія, или не вдвигая другихъ, досадуютъ избалованнымъ формами взоръ эстетическими пустотами, тамъ они никогда не размыкаются съ русскою легкостью и неустанностью; тамъ ихъ размыканіе не окрыляетъ пейзажа чувствомъ полета и дали.

Вся красота русскаго пейзажа въ томъ, что въ немъ нѣтъ **самодовлѣющихъ**, себѣ тяготѣющихъ красотъ: снѣжныхъ вершинъ, незабываемыхъ очертаній горныхъ хребтовъ, какъ сапфиръ синихъ озеръ, вычурныхъ деревьевъ и экзотическихъ цвѣтовъ. Вообще ничего нѣту, есть только нѣкое «вообще». Нѣтъ никакихъ формъ, ибо всѣ формы поглощаются безформенностью; смыслъ дали — въ безконечности; смыслъ безконечности — въ Богѣ.

Такъ связаны въ русской равнинности, въ разливѣ деревенской Россіи убожество заполняющихъ ее формъ съ божественностью охватывающихъ ее горизонтовъ. Такъ какъ принципъ формы основа всякой культуры, то врядъ ли будетъ невѣрнымъ предположить, что религиозность, которой исполнена безформенность русскои равнины есть затаенная основа того почвеннаго противленія культурѣ, того мистическаго нигилизма, въ которомъ, въ революцію, такъ внезапно погибли формы исторической Россіи.

Четыреста лѣтъ подрядъ, съ самаго освобожденія отъ татарскаго ига, русскій народъ жилъ, говоря нѣсколько парадоксально, неисполнимою мечтою включенія охватывающаго русскую равнину горизонта въ составъ Государства Россійскаго. Отъ царствованія къ царствованію все шире и шире разливалась Россія на сѣверъ, на востокъ, на югъ и, наконецъ, на западъ, ища и не встрѣчая естественныхъ препятствій своему головокружительно быстрому росту. За четыреста лѣтъ территорія Россіи увеличилась въ 36 разъ. Фактъ этотъ, лежащій въ основѣ русской исторіи, кореннымъ образомъ опредѣлилъ собою не только стиль русскаго земельного хозяйствованія, но въ из-

вѣстномъ смыслѣ и стиль всякаго русскаго дѣлавія и творчества.

Трудъ, положенный русскимъ народомъ на возданіе Державы Россійской, былъ, конечно, громаденъ, и все же онъ никогда не былъ тѣмъ, что подъ словомъ трудъ понимаемъ трудолюбивая Европа, что подъ нимъ нынѣ понимаемъ уже и мы: онъ не былъ упорною, медленною работою, систематическимъ преодоленіемъ сопротивленія матеріала специально изобрѣтаемыми для того средствами. Читая любую русскую исторію, получаешь впечатленіе, что русскій народъ не столько завоевывалъ землю, сколько безъ боя забиралъ ее въ плѣнъ. Эта военнопленная земля и работала на русскій народъ, работала безъ того, чтобы онъ самъ на ней по настоящему работалъ. Такъ постоянный колонизаціонный разливъ Россіи, неустанный приливъ хлѣбородныхъ равнинъ, которыя приходилось насѣхъ заселять и засѣивать, лишалъ русскій народъ не только необходимости, но и возможности заботливаго и тщательнаго труда на землѣ. Кое-какъ бередили все новую и новую цѣлину, и въ смутномъ инстинктѣ государственнаго строительства брали съ нея ровно столько, сколько требовалось, дабы осмыслить и оправдать дальнѣйшее продвигеніе. Такъ столѣтіями создавался въ Россіи стиль мало-культурнаго, варварскаго хозяйствованія, психологія безлюбовнаго отношенія къ любимой землѣ, ощущеніе въ качествѣ земли - кормилицы не столько собственной земли подъ сохой, сколько земли за чертой своей собственности.

Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ не было ни въ какой мѣрѣ и степени призвано къ перерожденію этой своеобразной психологіи, сохранившей всю свою силу вплоть до нашихъ дней и сыгравшей громадную роль въ революціи.

Тяга къ землѣ на горизонтѣ характерна для крѣпостнаго сознанія врядъ ли меньше, чѣмъ для сознанія колонизаторскаго. Не въ меньшей степени, чѣмъ народъ колонизаторъ, тянется крѣпостной народъ **всѣми** мыслями души отъ своей насиженной земли къ какой-то не своей, далекой землѣ. Не важно, что далекая земля была далека для крѣпостнаго не въ географическомъ, а въ хозяйственно-правовомъ смыслѣ; что своя близкая и не своя далекая земля для него не двѣ разныхъ земли, а одна и та же земля въ двухъ разныхъ смыслахъ: своя, въ смыслѣ

той, на которой онъ изъ поколѣнія въ поколѣніе трудится; далекая, чужая — въ смыслѣ той, которой онъ не владѣеть, но которой жаждетъ владѣть. Важно лишь то, что и крѣпостное право оказалось не призваннымъ внѣдрить въ крестьянское сознаніе влеченіе къ тщательной, заботливой, любовной работѣ на землѣ. Барская земля — (своя лишь на горизонтѣ исконнаго чаянія ея, какъ своей) кормила вироголоды и при варварскомъ обращеніи съ ней, а по настоящему, досыта (понимая подъ сытостью удовлетвореніе не только физическаго, но и элементарнаго культурнаго голода) не накормила бы и при самомъ любовномъ отношеніи къ ея поверхности и нѣдрамъ.

Съ такимъ тяжелымъ наслѣдіемъ, съ такою упроченной традиціей неряшливаго вымоганія у неухоженной земли ея благъ, вошелъ русскій народъ въ свою новую жизнь, въ жизнь, если и не свободнаго, то все же освобожденнаго хозяина своей общинной земли. Какъ бы положительно по совокупности всѣхъ соображеній ни относиться къ общинѣ, врядъ ли можно оспаривать, что на пути къ культурному устроенію крестьянскаго хозяйства, и она была скорѣе тормазомъ, чѣмъ толкачемъ. Въ условіяхъ общиннаго владѣнія землей — земля все же оставалась до извѣстной степени по крайней мѣрѣ землею на горизонтѣ, не до конца своей, не до конца своей, лично своей, по своему оличенной землей. Съ этою неоличенностью лишь во временное пользованіе нарѣзаннаго куска земли связанъ тотъ фактъ, что и освобожденный русскій народъ не преодолѣлъ въ себѣ безлюбаго, варварскаго отношенія къ любимой землѣ. Несмотря на свою древнюю напряженную и страстную мечту о землѣ, о какой-то несбыточной землѣ на горизонтѣ, землѣ невѣстѣ, русскій мужикъ ту землю, при которой жилъ и съ которой кормился никогда почему то не ласкалъ, какъ ласкаютъ иной разъ даже и надобвшую жснѹ, а всегда только гнулъ въ трипогибели, какъ безотвѣтнѹю и беззащитнѹю работницѹ. Съ этою странною, раздвоенною психологіей жаднаго и зрящаго отношенія къ землѣ подошелъ русскій народъ ко днямъ революціи.

Можно, конечно, какъ то дѣлаетъ Крамаржъ въ своемъ «Русскомъ кризисѣ», нападать на русскаго мужика, на его темную лѣнь, упрекать русское правителство въ томъ, что оно своевременно не просвѣтило народъ свѣтомъ агрономіи и поносить русскую интеллигенцію за то, что она,

вмѣсто того, чтобы учить народъ производительному труду, подстрекала его къ революціи; но дѣлая все это, нельзя все же забывать, что некультурность, а въ связи съ этимъ и малопродуктивность русскаго народнаго хозяйствованія, сыгравшія безспорно величайшую роль въ русской революціи, были въ свою очередь порождены не только темною, мужицкою лѣнью, но и поставленною передъ русскимъ народомъ задачей созданія величайшаго въ мірѣ государства, которое онъ передъ тѣмъ какъ разрушить, какъ никакъ все же создалъ.

Элементарный стиль земельного хозяйства не могъ, конечно, не вліять на всѣ стороны народной жизни и народнаго міросозерцанія. То, что русскій крестьянинъ дожилъ до 20-го столѣтія не войдя въ близкое и привычное общеніе съ тою самою машиной, которая на Западѣ произвела величайшій переворотъ общественно-политической и религіозно-культурной жизни — фактъ совершенно исключительной важности. Появленіемъ машины отдѣлены въ Европѣ, говоря кратко и потому несомнѣнно справедливо, двѣ эпохи: эпоха религіозной культуры средневѣковья отъ эпохи гуманистической цивилизаціи. Отсюда ясно, что примитивное, кустарническое, безмашинное крестьянское хозяйство должно было, съ одной стороны, способствовать сохраненію въ русскомъ народѣ вѣры отцовъ, а съ другой — играть роль задерживающаго фактора въ дѣлѣ культурнаго развитія народа. Въ основѣ машины лежитъ точное знаніе, число, расчетъ; на этомъ обстояніи вещей основано то, что во всякомъ машинномъ производствѣ гарантировано наступленіе ожидаемыхъ результатовъ, оправданіе человѣческихъ предположеній. Индустриализація сельскаго хозяйства — это прежде всего борьба противъ тѣхъ случайностей, что неизбѣжны во всякомъ сельскомъ трудѣ, подъ открытымъ небомъ, съ его зависимостью отъ погоды и всякихъ иныхъ неучитываемыхъ обстоятельствъ. Но случай—только атеистическій псевдонимъ чуда. Борьба противъ случая есть потому въ послѣднемъ счетѣ борьба противъ вѣры въ чудо, борьба противъ Бога, который путаетъ всѣ карты, борьба за сверхчеловѣка, который все знаетъ и все можетъ.

Принципіально, конечно, допустимо, что въ далекомъ будущемъ сложится иное отношеніе къ точной наукѣ и къ машинной культурѣ; что вся наша техника перестанетъ быть чудомъ преодолѣваемымъ Чудомъ. Но пока этого

нѣтъ, пока пути индустриализма крѣпко накрѣпко связаны съ путями атеистическаго рационализма. Превратись русскіе крестьяне уже 50 лѣтъ тому назадъ въ просвѣщенныхъ собственниковъ и культурныхъ фермеровъ съ Дизелями и тракторами, и русская революція прошла бы, быть можетъ, много тише, приглушеннѣе, рациональнѣе, чѣмъ она въ дѣйствительности прошла, но зато и Толстой съ Достоевскимъ не стали бы тѣмъ, чѣмъ они стали: всемірно значительными іероглифами русской народной религіозности. Для того, чтобы видѣть живую связь культурно - хозяйственнаго убожества народной жизни съ духовной существенностью русскаго религіознаго сознанія съ индивидуальными чертами «русскаго Бога», право не надо быть марксистомъ!

Но изъ всего этого отнюдь, конечно, не слѣдуетъ, что министерство народнаго просвѣщенія было право въ своей упорной заботѣ о томъ, чтобы русскій народъ какъ можно медленнѣе продвигался по путямъ просвѣщенія. Вѣдь болѣзни, страданія и смерть тоже самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ религіозною жизнью человѣчества (быть можетъ, безбожность современной западно-европейской жизни, въ особенности въ протестанскихъ странахъ, ни въ чемъ не выражается съ такою очевидностью, какъ въ томъ, что люди начинаютъ думать о смерти лишь съ температурой въ 40^q и что покойниковъ перевозятъ въ часовни и изъ часовень на кладбище въ автомобиляхъ, мало чѣмъ отличающихся отъ машинъ большихъ торговыхъ фирмъ), но отъ осознанія этой связи очень, конечно, далеко до оправданія борьбы съ медициною.

Входитъ глубже въ эту сложную проблематику и подробно изслѣдовать вопросъ о томъ, какіе пути были открыты царскому правительству для насажденія въ Россіи просвѣщенія не враждебнаго вѣрѣ, но встрѣчнаго ей, — я не могу. Для меня важно лишь отмѣтить, что русскій народъ былъ вплоть до революціи огражденъ отъ вліянія культуры не только исторически сложившимся убожествомъ своихъ хозяйственныхъ формъ, но сверхъ того еще и просвѣтительной политикой власти, стремившейся по своимъ корыстно - династическимъ соображеніямъ держать Россію въ темнотѣ.

Если ко всѣмъ этимъ мыслямъ прибавить еще одно размышленіе; если отчетливо представить себѣ, что Россія наканунѣ революціи была, быть можетъ, больше чѣмъ

когда-либо сплошь народной, сплошь мужицкой Россіей, соціальной равниной, среди которой нѣкогда властные древніе дворянскіе роды, подобно старымъ дубамъ догнивали на корнѣ; если отчетливо представить себѣ, что роль отсутствующаго въ Россіи пролетаріата исполняли мужики, что поинтеллигентнѣе, а буржуазія только еще слагаясь изъ недавнихъ Титъ Титычей и Африканъ Савичей, самодуровъ и англомановъ, и, не представляя собою настоящей политической силы, шла въ послѣднемъ счетѣ на поводу у обреченнаго гибели деорянства, — то станетъ совершенно яснымъ, какую рѣшающую роль въ революціи должно было сыграть культурно никакъ не воспитанное, культурно безформенное, — съ одной стороны, убогое, а, съ другой, — опредѣленно религиозное мужичье сознание.

Какъ въ душѣ русскаго пейзажа, такъ и въ пейзажѣ русской души тема убогихъ формъ тѣснѣйшимъ образомъ связана съ темою божественной неоформленности. **Темнота, некультурность, необразованность** русскаго народа безусловно спасли его отъ того полупросвѣщенія, которое въ Западной Европѣ встало между народомъ и вѣрою, задержали процессъ обездушенья жизни и расцерковленія народнаго сознанія. Въ извѣстномъ смыслѣ потому не только возможно, но и вѣрно утверждение, что темнота русскаго простого человѣка, какъ явленіе внутри церковной жизни, скорѣе культура, чѣмъ некультурность. Если культура — цѣлостность міросозерцанія и вытекающее изъ нея единство жизненнаго стиля, то не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію, что крѣпко вѣровавшій, по старинѣ жившій, только чувствовавшій традиціонный чинъ жизни и всегда знавшій, что пристойно и что непристойно, старый, русскій дореволюціонный хлѣборобъ - хозяинъ былъ высоко-культурнымъ человѣкомъ въ самомъ подлинномъ и строгомъ смыслѣ этого слова.

Но, конечно, всякая культурная нерасчлененность, формальная невоздѣланность, научная, художественная и правовая неоформленность сознанія способны пребывать культурною лишь внутри подлинно вѣрующей души. Паденіе вѣры неизбежно превращаетъ недифференцированную цѣлостность народнаго сознанія изъ явленія прикровенной культуры въ явленіе откровеннаго варварства. Какъ убогость формъ русскаго пейзажа формально прекрасна, благословенна, тиха лишь въ охватѣ уходящихъ въ безконечность — въ географическую вѣчность — горизонтовъ,

такъ и формальная убогость русскаго народнаго сознанія культурно-значительна лишь въ оформленіи религіознымъ горизонтомъ вѣры.

Всякій добрый европеецъ, невѣрующій въ Бога, далеко еще не безбожный человѣкъ; въ немъ въ той или иной степени, въ томъ или другомъ ущербленіи всегда или почти всегда жива вѣра: вѣра въ нравственность, въ право, въ культуру, въ науку, во всѣ ризы отрицаемаго имъ Божества. Народная же Россія всѣмъ этимъ вѣрованіямъ всегда была чужда. Никогда не вѣрила она ни въ науку, ни въ право, а всегда только въ Бога, въ нагого, не облаченнаго Бога.

Революція, — и въ этомъ ея послѣдній, метафизическій смыслъ — была мгновеннымъ паденіемъ, внезапнымъ, хотя и многими процессами подготовленнымъ крушеніемъ народной вѣры. Некультурность же, нерасчлененность, неформленность народнаго сознанія не позволила задержаться на вѣрѣ въ «кризы». Вѣра въ нагого Бога сразу, почти безъ перехода, какъ плюсъ безконечность на минусъ безконечность, перешла въ голое циническое безбожіе.

Въ этомъ діалектическомъ срывѣ народной души и надо искать объясненіе какъ невѣроятной напряженности и высоты метафизической проблематики русской революціи, такъ и ея предѣльному окаянству.

Метафизика не противоположна исторіи. И Вѣчное становится на землѣ черезъ временное. Весь смыслъ историческаго процесса въ осуществленіи на землѣ сверхисторическаго, — Абсолютнаго. Моя попытка историческаго объясненія связи въ русской народной душѣ варварства и религіозности отнюдь не заключаетъ въ себѣ, такимъ образомъ, утвержденія, что связь эта — явленіе преходящее, характерное не для сущности русской души, а для той стадіи историческаго развитія, въ которой находится сейчасъ Россія. Окончательное разрѣшеніе этого вопроса принадлежитъ будущему. Теоретически, конечно, допустимо, что и Россія со временемъ образумится, культурно причешется и на примѣрѣ своей исторіи докажетъ правду Конговскаго утвержденія, будто-бы каждый народъ въ своемъ развитіи неизбежно переходитъ отъ вѣры въ

Бога къ положительному знанію, — отъ власти священнослужителей къ власти пролетаріата. Но пока это будущее, несмотря на диктатуру пролетаріата, не наступило, у насъ безусловно есть вѣскія основанія полагать, что дѣло обстоитъ не такъ, и что враждебная дифференціи культуры религиозность субстанціально присуща русскому сознанію. Въ пользу такого положенія говоритъ прежде всего самосознаніе русской духовной сущности — русская философія.

Начиная съ раннихъ славянофиловъ, она неустанно и послѣдовательно борется за религиозное единство бытія и сознанія, за идеаль религиозно - цѣлостной жизни и не распадающейся на отдѣльныя автономныя сферы теонормой культуры. Цѣлое столѣтіе она духовно влечется къ церкви, какъ бы силясь вспомнить, осознать и философски высказать святоотческій опытъ; цѣлое столѣтіе изъ поколѣнія въ поколѣніе ведетъ упорную борьбу съ «раціонализмомъ и атомизмомъ» западно-европейской мысли и жизни, съ критически - формалистическимъ духомъ Декарто - Кантовской философіи. Правда борьбу эту начали не славянофилы, она началась на Западѣ, но это обстоятельство отнюдь не ослабляетъ философскаго значенія славянофильства*). Не ослабляетъ потому, что значительность и оригинальность русской философіи заключается (въ противовѣсъ нѣмецкому идеализму) не столько въ стремленіи къ какимъ-либо особо новымъ и особо гениальнымъ высказываніямъ, сколько въ нравственно гениальномъ отказѣ отъ самаго стиля гениальнаго философствованія, въ отказѣ отъ всякаго метафизическаго самоуправства въ дѣлѣ постиженія міра и жизни, въ погашеніи въ философствующемъ сознаніи духа прометеевскаго соревнованія съ откровенною истиной христіанства.

Преодолѣніе идеи автономныхъ сферъ духовнаго творчества и практическаго жизнеустроенія начинается, такимъ образомъ, въ русской философіи съ преодолѣнія самой идеи автономной философіи. Причемъ преодолѣніе это осуществляется, — и это весьма характерно, — не столько на путяхъ теоретическаго раскрытія несостоятельности

*) Ср. мои статьи: «Нѣмецкій романтизмъ и русское славянофильство» въ сборникѣ «Жизнь и творчество» — Обелискъ. Берлинъ 1923 года и «Deutsche Romantik & Die Geschichtsphilosophie der Slawophilen», Logos Band XVI 1927, Heft I.

идеи автономной философии (путь Шеллинга), сколько на путяхъ религиозно-волевого отвращенія отъ того несобраннаго въ единство, не цѣлостнаго, распыленнаго, виѣрелигiознаго сознанія, въ которомъ только и возможно довѣрiе къ аналитической мысли, въ послѣднемъ счетѣ одинаково бесплодной, какъ въ полюсѣ самоотрицанія.

Сущность философии заключается, по ученію славянофиловъ, не въ рациональномъ овладѣнiи предметомъ познанія, а въ пребыванiи самого познающаго сознанія во власти рационально непостижимаго Бытiя. Такое пониманіе философии завѣщано Россіи великими восточными мыслителями, которые, въ противовѣсъ западнымъ, никогда не заблудились «о вѣшной связи понятій», а всегда лишь «о правильности внутренняго состоянiя мыслящаго духа». Правильное же состоянiе философствующаго духа враждебно рационалистической ясности мысли: «покуда мысль ясна для разума или доступна слову, она еще безсильна на душу и волю. Когда же она разовьется до невыразимости, тогда только она пришла въ зрѣлость». Глубина постиженія есть всегда обрѣтеніе въ собственной душѣ непостижимой глубины. Только несказуемая истина, что «родится (и пребываетъ) въ тайнѣ», «что воспитывается молчаніемъ» есть подлинно Истина, ибо только такая Истина есть Истина дѣйственная.

Съ такимъ пониманіемъ природы философии связаны у И. Кирѣевскаго и весьма интересныя мысли о формахъ словесной «инструментовки» философии; характерно его отрицательное отношеніе къ термину, къ «окостенѣлому въ школьныхъ формулахъ» слову. Одномыслию мертваго термина Кирѣевскій опредѣленно предпочитаетъ многомысліе живого слова, въ «переливчатомъ смыслѣ» котораго должно «трепетать и отзываться каждое дыханіе ума», которое «безпрестанно должно мѣнять свою краску, сообразно безпрестанно измѣняющемуся сцѣпленію и разрѣшенію мыслей». Это живое «переливчатое» слово не можетъ и не должно быть запатентовано въ интересахъ своего автора и его «оригинальной» философской системы. «Истинныя убѣжденія благотѣльны и сильны только въ совокупности своей». Потому слово должно быть не «ящикомъ, въ который заключается мысль», но «проводникомъ, который передаетъ ее другимъ», не подваломъ, куда складываются сокровища ума и знанія, но дверью,

черезъ которую они выносятся». И странный законъ этихъ сокровищъ: чѣмъ больше ихъ выносятся наружу, тѣмъ болѣе ихъ остается въ хранилищѣ. Дающая рука не оскудѣетъ.

Во всѣхъ этихъ положеніяхъ И. Кирѣевскаго, подь которыми безусловно подписались бы не только всѣ остальные славянофилы, но и Чаадаевъ, и Вл. Соловьевъ, и всѣ его послѣдователи и продолжатели, — философія отчетливо осознается и убѣжденно утверждается какъ проявленіе враждебнаго всякой дифференціаціи цѣлостнаго духа, какъ художественно - свободное (слово, не терминъ) закрѣпленіе волевого устремленія къ религиозному преображенію жизни.

Понятіе оригинальности, какъ мною вскользь было уже сказано, имѣетъ два смысла. Смыслъ новизны и смыслъ первичности. Оригинально не только то, что впервые сказано, но въ извѣстномъ смыслѣ и то, что лишь **первично** пережито, первично найдено въ глубинѣ собственной души, что не занесено въ нее со стороны. Пусть въ первомъ смыслѣ слова славянофильское ученіе мало оригинально, пусть въ немъ какъ въ теоретическомъ ученіи мало существенно новаго и специфически русскаго, его оригинальность во второмъ смыслѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Только этой оригинальностью, т. е. только дѣйствительной наличностью въ русскихъ душахъ **какого-то болѣе первичнаго чѣмъ** на Западѣ опыта духовно-цѣлостнаго отношенія къ жизни и творчеству и объяснима та легкость, съ какою во многомъ зависящее отъ романтики славянофильство, преодолевъ въ себѣ соблазны игрѣхи романтизма, развилось въ наиболѣе значительное теченіе положительной религиозной мысли.

Быть можетъ, различіе духовной атмосферы Запада и Россіи ни на чемъ не уловимо съ такою отчетливостью и полнотой, какъ съ одной стороны, на вырожденіи западной романтики въ эстетическій индивидуализмъ, псевдомистицизмъ и во всякія инныя формы комфортабельнаго отстраненія отъ себя реальной дѣйствительности, а, съ другой, на боевомъ устремленіи славянофильства навстрѣчу самымъ жгучимъ вопросамъ культурной и политической жизни Россіи. Различіе это безусловно связано съ тѣмъ, что романтической принципъ религиозной цѣлостности творческаго духа близкій восточному христіанству былъ въ послѣднемъ счетѣ одинаково чуждъ и творческому без-

плодію пореформаціоннаго католицизма и антицерковно-му индивидуализму протестантскаго философскаго генія. Романтика появилась такимъ образомъ на Западѣ — въ качествѣ антитезы духовной жизни Запада, славянофильство - же антитезою русской духовной жизни никогда не было: оно всегда было ея прямою и первичною тезой. При всей своей значительности романтика потому изысканна и даже ядовита; славянофильство-же просто и духовно питательно. Романтики ощущали себя «чужаками» и «основателями новой религіи»; славянофилы себя чужаками никогда не ощущали и объ основаніи новой религіи никогда не мечтали: это было-бы для нихъ не чудачествомъ, а кощунствомъ. Для славянофиловъ «духовная цѣльность» была домомъ, въ которомъ они привычно жили, а для романтиковъ горизонтомъ, о которомъ они страстно мечтали, но на которомъ построиться не могли. Прямымъ доказательствомъ правильности этихъ мыслей является то, что въ поискахъ религіозно - цѣлостной жизни вращающейся, какъ любили говорить романтики, вокругъ «священнаго средоточія» вѣры, Гельдерлину пришлось духовно переселиться въ древнюю Элладу; Новалису, въ средневѣковье; протестанту Шлегелю стать католикомъ; католику Бааде-ру внутренне двинуться навстрѣчу православію. Славянофиламъ ничего подобнаго продѣлывать не приходилось: они не переселенцы, какъ романтики, они — коренное население: корни ихъ философской вѣры легко и просто уходятъ въ вѣру народную и простонародную — въ православіе. На почвѣ православія одинаково чуждаго и духу католическаго законничества, духу индекса, и духу чрезмѣрно - индивидуалистическаго, протестантскаго свободолюбія и развивается вся дальнѣйшая русская религіозная философія — философія цѣлостности и соборности: славянофилы, Вл. Соловьевъ, Леонтьевъ, Федоровъ, и дальше — Флоренскій, Булгаковъ, Бердяевъ, Карсавинъ и цѣлый рядъ другихъ, менѣе значительныхъ мыслителей. Выдѣляя эту религіозно - философскую линію русской мысли, многими тонкими нитями связанную съ антикаваніанствомъ русской метафизики (онтологизмъ Лопатина, Лосскаго, Франка), я ни минуты не забываю, конечно, что «Критика чистаго разума» была переведена еще Елагинымъ и что духъ критической философіи, духъ Декарта и Канта, противъ котораго боролась русская религіозная мысль, породилъ и на русской почвѣ цѣлый рядъ весьма интересныхъ и зна-

чительныхъ явленій. Дѣло лишь въ томъ, что всѣ эти явленія оставались у насъ явленіями школьно - отвлеченной мысли, не становились факторами общекультурной національной жизни. А въ этомъ все и дѣло. Вѣдь не тѣмъ великъ Кантъ въ Германіи, что о немъ изъ года въ годъ пишутся ученые диссертациі, что онъ породилъ цѣлый рядъ школъ, только и занимающихся толкованіемъ его произведеній, что кантіанство было нѣсколько лѣтъ тому назадъ чуть ли не официозной философіей почти всѣхъ нѣмецкихъ университетовъ. Все это величіе не первично, все оно производно и уходитъ своими корнями въ совсѣмъ иную глубину самой жизни. Только тѣмъ и великъ Кантъ въ Германіи, что онъ въ Германіи гораздо больше, чѣмъ Кантъ; что въ ней и для нея онъ и Лютеръ, поскольку его система является философскимъ раскрытіемъ духа протестантизма, и народный трибунъ Фихте, и національный поэтъ Шиллеръ (Фихте, какъ и Шиллеръ были кантіанцами). Знаменитый «школьный учитель», побѣдившій Францію въ 71-мъ году; трудолюбивый, честный, скромный, но знающій энергичный нѣмецкій предприниматель; нѣмецкій генеральный штабъ, переоцѣнившій въ міровую войну начала метода, порядка и долга и недооцѣнившій начала импровизациі, случая и вдохновенія; нѣмецкій чиновникъ, спасшій величіе нѣмецкаго народа срывомъ величія нѣмецкой революціи; первое знаменательное обращеніе соц.-демократа Эберта къ нѣмецкому народу и тотъ фактъ, что оно было услышано революціонной толпой, — все это явленія одного и того-же порядка, исполненныя одного и того же кантовскаго духа — границы, долга и мѣры.

Тотъ фактъ, что варианты знаменитой формулы категорическаго императива красуются въ Германіи не только въ умахъ и сердцахъ гражданъ, но и на стѣнахъ всевозможныхъ официальныхъ и общественныхъ учрежденій, смѣшонъ только на первый, поверхностный взглядъ; на второй и углубленный онъ совсѣмъ не смѣшонъ, а скорѣе — значителенъ.

Въ Россіи все обстоитъ иначе: обратно аналогично. Если въ Европѣ побѣдила тема критицизма, то въ Россіи побѣдила (говоря въ западно-европейскихъ терминахъ) тема устремленной къ патристикѣ романтики.

Но какъ критицизмъ одержалъ на западѣ побѣду не столько въ качествѣ системы философскихъ понятій,

сколько въ качествѣ системы символовъ, т. е. въ качествѣ теоретически - точныхъ формулировокъ всего стиля западно - европейской культуры, такъ и русская религіозная мысль одержала въ Россіи побѣду прежде всего въ качествѣ философски - точнаго ознаменованія характерныхъ особенностей русской духовной жизни. Сила и правда русской религіозной философіи заключается не столько въ ней самой, какъ въ ф и л о с о ф і и, сколько въ томъ, что она тѣснѣйшимъ образомъ связана со всею русскою культурой: и съ религіозной трагедіей Гоголя, и съ религіознымъ обращеніемъ Толстого, и съ пророчествами Достоевскаго. Русское искусство никогда не было, какъ то уже не разъ отмѣчалось, искусствомъ для искусства, оно всегда было или религіознымъ исканіемъ или нравственно-общественнымъ служеніемъ. Такъ же обстоитъ дѣло и во всѣхъ другихъ областяхъ: политическая проповѣдь русской интеллигенціи (о чемъ рѣчь еще впереди) такъ же мало руководилась законами чистой политики, какъ и русское искусство — законами самодовлѣющей эстетики. Въ связи со всѣмъ этимъ и русская философія никогда не была чистою, т. е. отвлеченною мыслью, а всегда лишь мыслью углубленною жизнью. Съ этимъ характеромъ русской философіи связано и то, почему типичною формою ея выраженія рѣдко являлись толстыя, заботливо и обстоятельно на главы и параграфы разграфленныя книги, и такъ часто письма, отрывки, наброски и статьи лично исповѣдальнаго и общественно - полемическаго характера. Въ противоположность нѣмецкой философіи 19-го вѣка, русская мысль представляетъ собою не циклъ замкнутыхъ системъ, а цѣль вотъ уже цѣлое столѣтіе не прерывающихся разговоровъ, причемъ разговоровъ въ сущности все на одну и ту же тему.

Сказаннаго, думается, достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что анализъ русской философіи, ея темы и ея формы вполнѣ подтверждаетъ ту характеристику души Россіи, къ которой неизбѣжно приводитъ внимательный взоръ въ душу русскаго пейзажа и русскаго хозяйства. Какъ стиль русской равнины и русскаго отношенія къ землѣ, такъ и стиль русскаго философствованія, явно свидѣтельствуетъ о томъ, что религіозная тема Россіи роковымъ образомъ связывается въ Россіи со своеобразнымъ тяготѣніемъ къ безформенности, — съ какимъ то специфически-русскимъ формоборчествомъ. Есть нѣчто въ русской

душѣ (нѣчто очень глубокое и очень правдивое), что затрудняетъ всякій переходъ религиозной жизни въ религиозную культуру и тѣмъ тѣсно связываетъ русскую религиозность съ некультурностью Россіи. Нельзя, конечно, говорить ни объ убожествѣ, ни о варварствѣ русской философіи, но нѣчто аналогичное убожеству русскаго пейзажа и варварству русскаго хозяйства въ русской философіи все же есть. Эта аналогія, думается мнѣ, заключается въ отрицательномъ отношеніи къ началу формы и дифференціаціи. Въ специфически русской религиозной философіи есть та же самая неряшливость, что и въ русскомъ земельномъ хозяйствованіи. Отсутствію сельскохозяйственныхъ машинъ соотвѣтствуетъ отрицаніе методовъ и преемственно усовершенствуемыхъ навыковъ мысли.

Чѣмъ глубже всматриваешься въ структуру русской философской мысли, тѣмъ яснѣ видишь, что уровень ея вопросовъ безконечно выше уровня ея отвѣтовъ. Съ самыхъ первыхъ своихъ шаговъ она обнаруживаетъ почти пророческую тревогу о грядущихъ судьбахъ человѣчества и исключительно тонкій слухъ на подлинно большіе и существенные вопросы. Чуждая бездушному профессионализму и профессиональному благодушію западно-европейской элигондской мысли, она неустанно взываетъ къ рѣшенію лишь подлинно существенныхъ, духовно-насущенныхъ вопросовъ. И все же никакихъ дѣйствительно новыхъ отвѣтовъ она не даетъ. Для нея показательно, что, несмотря на свою насыщенность положительнымъ религиознымъ созерцаніемъ, она больше всего сдѣлала въ направленіи отрицательной критики западно-европейской культуры. Но и для этой критики характерно, что она по своей чисто философской силѣ и глубинѣ даже отдаленно не достигаетъ уровня критикуемой западно - европейской мысли. Съ грустью, но надо признаться, что враждебная русской религиозной мысли, но сама по себѣ грандіозная система Канта не была подвергнута никѣмъ изъ русскихъ религиозныхъ философовъ углубленной и основательной критикѣ. Благодаря этому и русская религиозная философія осталась какъ бы не исполненной, исполненіемъ не оправданной. Не ставъ философійей, она осталась полужилософскимъ и полурелигиознымъ отрицаніемъ философіи. Съ этимъ отрицаніемъ философіи связаны всѣ отрицательныя стороны русскаго философствованія: отсутствіе методо-

логической тщательности, логической зоркости, творческой діалектики и теоретической глубины, т. е. всего того, что въ одинаковой степени присуще и діалогамъ Платона, и медитаціямъ Декарта, и аналитикъ Канта, и логикъ Гегеля.

Не разъ высказывалось мнѣніе, что отсутствіе всѣхъ этихъ специфически - философскихъ чертъ въ русской философіи связано съ ея сверхтеоретическимъ, религиознымъ характеромъ. Утвержденіе это представляется мнѣ весьма спорнымъ. Въ его спорности вся сущность вопроса. Дифференціация дифференціации рознь. Есть, конечно, дифференціация, связанная съ отрывомъ творчества отъ религиозныхъ корней, съ секуляризацией культуры, съ ложнымъ профессионализмомъ, дифференціация, представляющая собою заносчивое утвержденіе частичнаго и частнаго въ достоинствѣ цѣлаго и общаго. Но эта, основанная на лже-автономизмѣ дифференціация отнюдь не исчерпываетъ собою всѣ возможные виды дифференцированного философствованія. Средневѣковыя схоластическія системы (въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей) и многія мистическія ученія (Николай Кузанскій) были, конечно, не менѣе религиозны, чѣмъ русская мысль 19-го вѣка и все же они были скорѣе формалистичны, чѣмъ безформенны. Та дифференціация, которая отсутствуетъ въ русской философіи и которая помѣшала ей встать въ образъ своего совершенства, отнюдь не связана съ религиозностью русской философіи, а лишь съ характерною для Россіи связью религиозности и безформенности. Русская религиозная философская школа никогда не понимала, что во всякой дѣйствительно совершенной формѣ (научной, художественной, правовой) какъ въ совершенной, неизбѣжно наличествуетъ нѣкоторый минимумъ религиознаго содержанія, ибо всякій образъ совершенства возможенъ только какъ отображеніе абсолютнаго, совершеннаго Существа. Съ этимъ непониманіемъ связаны всѣ типично русскія оцѣнки и утвержденія, — окончательно непонятныя для европейца и такія почти самоочевидныя на характерно русской слухъ. Черезъ всю исторію русской религиозной мысли если и не красною линіей, то все же краснымъ пунктиромъ проходитъ думается, что право — могила правды, что лучше быть бющимъ себя въ перси грѣшникомъ, чѣмъ просто порядочнымъ существомъ, что быть хорошимъ человѣкомъ вещь

вообще стыдная, ибо обладатель нравственныхъ качествъ нѣчто вродѣ капиталиста этической сферы, держателя своеобразныхъ цѣнностей и привилегій... И т. д., и т. д.

Что право можетъ быть не могилой правды, а ея прославленіемъ, что простая порядочность никоимъ образомъ не можетъ быть простою вещью, а неизбѣжно должна быть вещью весьма сложною — это для философской стихіи русскаго духа никогда не было по настоящему убѣдительно. Оттого были ей такъ близки бездны и безмѣрности Достоевскаго и такъ далеки мѣры и закономерности Пушкина. Въ безднахъ же Достоевскаго таится дѣйствительно нѣчто страшное: — страшная нравственная діалектика.

Страшны не бездны, увидѣнныя Достоевскимъ, а то, что они ему по настоящему, быть можетъ, и не стали страшны. Единая вдохновенная строчка Пушкина объ упоеніи мрачною бездною развернута Достоевскимъ (не всегда вдохновеннымъ, иногда только задыхающимся) въ цѣлыя серіи романовъ, въ которыхъ бездна уже не прекрасное «улосніе», Пушкина, а какой-то ужасный мистическій запой. Неизвѣстно, конечно, предпочелъ-ли бы Достоевскій, чтобы Федька Каторжный, проповѣдуя апокалипсисъ, не рѣзалъ за трешку Хромоножку, но во всякомъ случаѣ ясно, что онъ его, рѣжущаго и проповѣдующаго, предпочелъ бы ему не рѣжущему и не проповѣдующему. Ужъ очень не любимъ мы серединности и мѣщанства, до того не любимъ, что иногда и не замѣчаемъ, что **о б ж и т а я** бездна — бездна, превращенная въ «бытовое явленіе», вовсе уже и не мрачная бездна, а всего только темная дыра.

Самая страшная и нравственно самая неприемлемая сторона большевицкой революціи — это гнусный, политическій размѣнъ религіозной бездны народной души: апокалипсисъ безъ Христа, апокалипсисъ во имя Маркса. Въ результатъ бессмысленный срывъ разумнаго социалистическаго дѣла обезумѣвшею сектою марксистовъ имяславцевъ. Во всемъ типичный разгулъ безмѣрности, любовь къ горизонту и презрѣніе къ порогу, профессиональное прожектерство и дилетантское строительство, безсознательная религіозность на основѣ безрелигіознаго сознанія. Во всемъ знакомыя черты, характерныя не только для русской природной и исторической стихіи, но и для русскаго философскаго сознанія съ его отрицаніемъ идеи автономіи,

сь его недооцѣнкой принциповъ формы, мѣры и дифференціаціи.

Утверждая все это, я ни минуты не забываю, что русская философія, и въ особенности охарактеризованное мною теченіе, представляетъ собою глубоко положительное раскрытіе религиозной сущности русской души, революція же — предательство «русскаго Бога». Но поскольку это предательство «русскаго Бога» представляетъ собою и типично русское предательство, постольку становится понятнымъ и бросающимся въ глаза сходство между безбожной русской революціей и русской религиозной философіей.

Изъ всего этого ни въ какой мѣрѣ и степени, конечно, не слѣдуетъ, что если бы русская философія на протяженіи предшествовавшей революціи столѣтія занималась бы не обще-синтетическимъ отображеніемъ религиозной сущности русской души, а критическимъ расчлененіемъ и дифференцированнымъ воздѣлываніемъ русскаго сознанія, то революція вылилась бы въ другія, болѣе умѣренныя и, съ соціально - политической точки зрѣнія, болѣе осмысленныя формы.

Такой выводъ былъ бы глубоко не вѣренъ. Дѣло, конечно, не въ немъ.

Дѣло вообще не въ выводахъ, дѣло въ углубленномъ постиженіи революціи, не возможномъ безъ осознанія ея національно религиозныхъ корней, а тѣмъ самымъ и безъ изслѣдованія національнаго самосознанія, т. е. безъ изслѣдованія русской философіи.

Одна изъ причинъ, затрудняющихъ западно - европейскому сознанію дѣйствительное пониманіе русской революціи, заключается въ непониманіи той роли, которую сыграла въ ней интеллигенція. Не подлежить никакому сомнѣнію, что если бы эта роль была меньше, если бы революція ограничилась выраженіемъ и защитой реальныхъ хозяйственныхъ нуждъ русскаго народа, то она вылилась бы въ совершенно инныя формы, чѣмъ тѣ, которыми она нынѣ и влечетъ, и пугаетъ Европу.

Мужику она даровала-бы землю, пролетарію — восьмичасовой рабочій день и книжку сберегательной кассы, молодой буржуазіи — руководящую политическую роль,

дворянству — грустныя воспоминанія въ поэтически-развалившихся усадьбахъ. Всѣмъ же гражданамъ купно равенство передъ нелицепріятнымъ закономъ и полную серію законныхъ свободъ. Ни одной копейки не истратила бы она на разжиганіе «мірового костра», на которомъ, какъ въ томъ все больше и больше убѣждаются большевики «каши не сваришь», но того гляди самъ сгоришь.

Но въ томъ то и дѣло, что по всей своей природѣ русская интеллигенція не могла ограничиться ролью защитницы экономическихъ интересовъ восходящихъ классовъ русскаго народа, что она всѣмъ своимъ прошлымъ была обречена на роль разрушительницы практическихъ достижений революціи путемъ безогляднаго повышенія уровня революціонныхъ задачъ.

Эта разрушительная роль интеллигенціи стала сейчасъ общимъ мѣстомъ*). Интеллигенцію сейчасъ повсюду не только представители праваго лагеря, психологія котораго подверглась за послѣднее время весьма опасной милитаризаціи, но также и многіе, не въ мѣру, и, главное, не по правильной линіи раскаявшіеся интеллигенты, готовые къ предпочтенію способныхъ на кровопролитіе стальныхъ большевиковъ способнымъ лишь на чаепитіе мягкотѣлымъ интеллигентамъ. Положеніе о томъ, что интеллигенція, и прежде всего радикальная интеллигенція, погубила Россію, такъ какъ бросилась спасать ее, не чувствуя ея религіозныхъ и національныхъ корней, ея особыхъ историческихъ задачъ и провиденціальныхъ путей — встрѣчаетъ нынѣ лишь очень слабый отпоръ. Старая «гвардія» интеллигенціи, правда, держится иныхъ убѣжденій, но вся молодежь, въ особенности красно-совѣтская и бѣло-эмигрантская, ощущаетъ слово «интеллигентъ» почти какъ бранное слово. Ставя выше всѣхъ словъ слова «воинъ» и «доблестъ», она не хочетъ и слышать о томъ, что и русскій интеллигентъ воевалъ въ свое время противъ тѣхъ, кого считать врагами Россіи и проявлялъ въ этой борьбѣ, не ожидая ни признанія, ни пощады, подчасъ немало, воистину блистательной, доблести.

Во всѣхъ модныхъ нападкахъ на интеллигенцію много несправедливости, много преувеличенія и потому всѣмъ,

*) См. замѣчательную статью Е. Голданова: Трагедія интеллигенціи (Версты, № 2, Парижъ 1927 г.), къ которой мы въ дальнѣйшемъ будемъ еще возвращаться.

чувствующимъ свою духовную связь съ русской интеллигенціей, не надлежитъ, конечно, усиливать темную злобу запоздалыхъ критиковъ малодушнымъ и неумнымъ самооплеваніемъ. Но одно дѣло малодушное самооплеваніе въ ощущеніи конца интеллигенціи и совѣмъ другое — мужественная самокритика въ томъ ощущеніи, что интеллигенціи предстоитъ сыграть въ дѣлѣ возсозданія Россіи еще очень большую роль. Лучшая форма борьбы съ вражьей критикой — признаніе правды критики, связанное съ рѣшительнымъ отрицаніемъ за врагами всякаго права на нее.

Русская интеллигенція если и не родилась, то все же, — какъ явленіе общественно-политической жизни и какъ явленіе національнаго сознанія, окончательно сформировалась въ первой половинѣ девятнадцатаго вѣка. Факторомъ, сыгравшимъ въ этомъ оформленіи рѣшающую роль, было безспорно соприкосновеніе съ Западной Европой. Правильность этого положенія доказывается хотя бы тѣмъ, что интеллигенція раскололась на два лагеря какъ разъ по вопросу объ отношеніи Россіи къ Западу. Этотъ расколъ и этотъ вопросъ связаны съ другимъ расколомъ и другимъ вопросомъ, — съ расколомъ самого запада на западъ революціонный и антиреволюціонный, съ вопросомъ о томъ, съ какимъ - же западомъ пойдетъ Россія.

Противопологая раннихъ славянофиловъ западникамъ, не должно забывать, что въ извѣстномъ смыслѣ они отнюдь не менѣе западники, чѣмъ ихъ противники. Разница только въ томъ, что для славянофиловъ истинный западъ — западъ христіанскаго средневѣковья и пореволюціонной философіи традиціонализма и романтики; для западниковъ-же подлинный западъ — западъ уже преодолѣннаго въ романтизмѣ просвѣщенческаго рационализма и грядущаго соціально - политическаго господства народныхъ массъ; такъ противоположность славянофильства и западничества пересѣкается противоположностями церкви и революціи, романтики и просвѣщенства. Эта сложная фуга русскаго сознанія осложняется еще однимъ моментомъ, моментомъ исторической разновозрастности Россіи, только что начинавшей подыматься къ свободѣ изъ сумрака византійскаго средневѣковья и запада, уже успѣвшаго исказить и возрожденскую свободу творчества и протестантскую свободу совѣсти въ насильничествѣ конвента и яковинскихъ клубовъ.

Громадное значеніе факта этой разновозрастности не было въ достаточной мѣрѣ учтено ни славянофилами, ни западниками. Одинаково ориентируя свою историко-фило-софскую проблематику «путей Россіи» на данныхъ западно-европейскаго развитія, оба лагеря по разному впадали въ одну и ту же ошибку, въ ошибку разрыва «правды-истины» и «правды справедливости».

Явленную французской революціей историческую связь между просвѣщенскимъ атеизмомъ и политическимъ свободолобіемъ и славянофилы, и западники приняли въ концѣ концовъ за связь не только историческую, но и метафизическую. Отсюда славянофильская глухота на общественно-политическую свободу и западническая враждебность къ религіи и церкви.

Пойми славянофилы, что паюсъ общественно-политическаго служенія свободѣ непогасимъ въ Россіи на томъ основаніи, что онъ былъ задушенъ въ насильничествѣ французской революціи, и пойми западники, что удушєніе свободы во французской революціи есть, слѣдствіе ея отрыва отъ религіозныхъ корней, — въ Россіи вмѣсто двухъ враждебныхъ лагерей, — быть можетъ, и созда-лась бы единая партія защитниковъ религіозной свободы во всѣхъ ея формахъ и проэкіяхъ (въ томъ числѣ, конечно, и въ политической) противъ реакціонно-націоналистическаго клерикализма и революціонно-космополитическаго атеизма. Къ величайшему несчастію Россіи ни славянофилы, ни западники этого пониманія до конца не осилили, благодаря чему и созда-лась та связь между вѣрою въ Бога и членовредительствомъ и вѣрою въ обезьяну и самопожертвованіемъ, о которой писалъ Вл. Соловьевъ въ своемъ замѣчательномъ письмѣ къ Н. Я. Гроту.

Конечно, по отношенію къ весьма сложнымъ взаимоотношеніямъ раннихъ славянофиловъ и первыхъ западниковъ все только что сказанное мною представляеть собою нѣкоторое упрощеніе. Но если своимъ упрощеніемъ вопроса я разсѣкъ единое сердце смотрящаго въ разныя стороны двуликаго Януса (образъ, которымъ Герценъ характеризовалъ, какъ извѣстно, взаимоотношенія славянофиловъ и западниковъ), то я разсѣкъ его все же по той самой линіи, по которой разсѣкла его сама исторія. Исторія этого разсѣченія, т. е. исторія расхожденія славянофиловъ и западниковъ очень сложна. Рѣшающей датой, датой окончательнаго разрыва, и тѣмъ самымъ оконча-

тельного конституирования русской интеллигенции в социологически вполне определенном смысле этого слова миѣ представляется день убійства Александра II.

Пока западники и славянофилы совместно работали надъ освобожденіемъ народа, ни тѣ, ни другіе не были еще интеллигентами въ узкомъ и точномъ смыслѣ этого слова. Большое, безспорное, общее дѣло заслоняло собою всѣ разногласія, въ томъ числѣ и то, что для славянофиловъ борьба за отмену крѣпостного права была борьбою за высвѣтленіе нравственного облика монархіи, какъ политической формы правленія. Убійство Царя Освободителя взрываетъ это временное единогласіе. Славянофилы и западники расходятся въ разныя стороны. Первые окончательно выходятъ изъ рядовъ оппозиціонно настроенной, антиправительственной общественности. Вторые окончательно отрываются отъ религіозныхъ и національныхъ корней славянофильскаго міросозерцанія. Результатъ этого двусторонняго отрыва — вырожденіе обоихъ лагерей русской общественности. Вырожденіе свободолюбиваго славянофильства Кирѣевскаго въ сановнически-реакціонное славянофильство Побѣдоносцева. Вырожденіе вѣрующаго свободолюбія западника Герцена въ ажерелигіозный героизмъ революціонной интеллигенціи.

Нарисовать обликъ этой интеллигенціи во всей его сложности дѣло очень трудное и въ предѣлахъ данной статьи, конечно, не разрѣшимое. Хотѣлось-бы выяснить лишь то, что, несмотря на постоянно утверждаемый фактъ отрыва русской интеллигенціи отъ религіозныхъ и національныхъ корней народнаго міроощущенія, несмотря на ея атеизмъ и космополитизмъ, выродившійся на нашихъ глазахъ въ злостный и воинственный интернационализмъ, она все же представляетъ собою кость о тѣкости и плоть отъ плоти русской духовной жизни, что вся структура ея сознанія во всемъ существенномъ совершенно тождественна структурѣ русскаго пейзажа, русскаго хозяйства и русской народной психологіи и русской философіи.

Прежде всего надо сказать, что «отрывъ» интеллигенціи отъ національно-религіозныхъ корней Россіи вовсе уже не такъ антинаціоналенъ и безрелигіозенъ, какъ онъ часто изображается ненавистниками интеллигенціи. Во всемъ этомъ вопросѣ скрывается очень сложная душевная диалектика, почему и правильный отвѣтъ раскрывается толь-

ко діалектическому мышленію. Дитя петровскихъ реформъ, русская интеллигенція въ своемъ отрывѣ отъ національныхъ корней въ концѣ концовъ отнюдь не менѣе національна, чѣмъ явленіе Петра и обликъ Петербурга. Даже если и видѣть въ Петербургѣ анти-Россію, то нельзя все же не видѣть, что кромѣ Россіи нѣтъ ни одной страны въ мірѣ, въ которой образъ столицы былъ бы зримою антитезою образу страны. Славянофильское утвержденіе Россіи совершенно тождественно духовному и бытовому патріотизму западныхъ народовъ; западническое же отрицаніе Руси, начатое Петромъ и законченное Ленинымъ, — явленіе западу неизвѣстное, явленіе типично русское. Въ концѣ концовъ западничество лишь интеллигентское преломленіе народнаго бродяжничества, почему и пресловутый отрывъ западнической интеллигенціи отъ Россіи антинационаленъ лишь какъ отрывъ отъ Россіи, но одновременно, какъ это ни парадоксально, все-же и националенъ, какъ отрывъ отъ корней. Обѣ эти его стороны другъ отъ друга никакъ неотдѣлимы, и лишь въ чувствѣ этой неотдѣлимости крестя возможность правительнаго разрѣшенія вопроса о беспочвенности русской интеллигенціи. Русская интеллигенція потому и почвенна, что въ Росіи есть почва для беспочвенности, что въ Росіи беспочвенность — почва. Будь это иначе, пригоршня беспочвенныхъ идей, брошенная на вспаханную войной землю кучкою «беспочвенныхъ интеллигентовъ», не могла бы дать тѣхъ всходовъ, которые она дала, — всходовъ отъ которыхъ содрагается міръ.

Аналогично обстоитъ дѣло и съ безрелигіозностью русской интеллигенціи. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что кривая развитія русской интеллигенціи отъ Герцена до Ленина знаменуетъ собою, если отвлечься отъ нѣкоторыхъ временныхъ колебаній, опредѣленное нарастаніе атеистической энергіи въ русскомъ общественномъ сознаніи. Исторія русской интеллигенціи есть исторія раскрещиванія общественнаго сознанія Россіи. И все же она не есть исторія обезбоженія души русской общественности. Не есть потому, что параллельно раскрещиванію сознанія въ русской интеллигенціи неустанно нарастала готовность добровольнаго и страдальческаго служенія дѣлу освобожденія Россіи. Исчезновеніе чувства религіознаго Предмета странно совпадаетъ съ нарастаніемъ религіознаго отношенія къ предмету своего служенія. Въ одержи-

мости русской интеллигенціи темою общественнаго служенія ясно слышатся почти религіозныя ноты. Конечно, лишь почти религіозныя, ибо всякая подлинная религіозность возможна лишь тамъ, гдѣ религіозное отношеніе къ предмету направлено на религіозный Предметъ; гдѣ она своимъ предметомъ имѣетъ не возведенное въ достоинство Абсолютнаго относительное, а само Абсолютное—Бога.

Безъ этой оговорки, рѣчи о религіозной природѣ русской интеллигенціи и русской революціи явно двусмысленны и соблазнительны, но при наличіи ея, они и не безсмысленны и не кощунственны.

Достаточно ясно представить себѣ, какъ русская революціонная интеллигенція, въ особенности молодежь, изъ поколѣнія въ поколѣніе жила не своими радостями, а чужимъ страданіемъ, какъ мучаясь у послѣдней черты между жизнью и смертью, — подпольная, безпаспортная, нищая, преслѣдуемая правительствомъ и непонятная народу, она упорно дѣлала свое историческое дѣло, не боясь ни тюремъ, ни каторги, ни смерти, чтобы почувствовать и познать, до чего ея тема свободы крѣпко спаяна съ религіозною темою русскаго народа. Конечно, было во всемъ этомъ много не настоящаго, не до конца подлиннаго, много позы, заразы, много нравственнаго легкомыслія и много грѣховной невоздержанности на выдумку. Всѣ эти густыя тѣни нынѣ, послѣ всего случившагося, естественно кажутся намъ черными призраками. Этотъ оптический обманъ понятенъ, но поддаваться ему не надо. Вѣдь тѣни только и живы свѣтомъ и потому надъ жизнью и правдой свѣта безвластны.

Наряду съ этою связью между русской «безпочвенной» интеллигенціей и русскою почвой существуетъ еще и иная связь. Убожеству и безформенности русскаго пейзажа, варварству русскаго хозяйства, необразованности русскаго народа, недифференцированности русской философіи соответствуетъ нѣкая весьма своеобразная недѣловитость русской интеллигенціи, недѣловитость, явно являющаяся обратной стороной идейности совершенно въ томъ же смыслѣ, въ которомъ убожество русскаго пейзажа является обратной стороной его Богоисполненности, и недифференцированность русской философіи — обратной стороной ея религіозности. И эта связь напряженной

идейности интеллигенціи съ ея недѣловитостью вполне понятна.

Революціонное движеніе въ Россіи никогда не было низовымъ явленіемъ. Русская революціонная интеллигенція никогда не была, и понынѣ, конечно, не стала, точной исполнительницей воли народныхъ массъ. Интеллигентское революціонное движеніе всегда было не столько восхожденіемъ народной нужды къ идеѣ свободы, сколько нисхожденіемъ идеи свободы къ народной нуждѣ. На протяженіи всей своей жизни русская интеллигенція защищала не столько ближайшіе, насущные интересы народа, сколько свои представленія о нихъ. Эти представленія о реальныхъ интересахъ народа были не всегда реальны, что въ достаточной степени объясняется тѣмъ, что интеллигенція народную нужду всегда видѣла издали, на горизонтѣ западно-европейскихъ идеологій и въ глубинѣ своей безпокойной совѣсти.

Дѣловитость, чувство мѣры, чувство возможнаго выработываются всегда лишь на практикѣ; выработываются лишь у тѣхъ, кто стоитъ у очага, у станка, у руля жизни. Русская революціонная интеллигенція на этихъ мѣстахъ никогда не стояла. Страстно живя идеями практическаго преобразованія жизни, она практически въ сущности жила внѣ жизни. Страстно мечтая о положительной, созидательной работѣ, она на дѣлѣ занималась разрушеніемъ, нездорово сочетая въ своемъ напряженномъ волеустремленіи пламенное «да» завтрашнему дню съ тысячью поджигательныхъ «нѣтъ» настоящему.

Все это взятое вмѣстѣ: — устремленность къ идеологическимъ горизонтамъ, погруженность въ глубины покаянной совѣсти, направленность воли къ положительному устроенію не сегодняшняго, но лишь завтрашняго дня, привычка мыслить и предощущать свое положительное дѣло, какъ разрушеніе уже сдѣланнаго и положеннаго естественнo способствовало развитію въ русской интеллигенціи идеологической дальнoзоркости и эмпирической близорукости.

Что наибольшая доля вины за эти грѣхи интеллигенціи ложится на царскій режимъ, не подлежитъ, конечно, ни малѣшему сомнѣнію. Не преврати онъ русскую интеллигенцію, какъ таковую, въ наследственно безработный элементъ, запряги онъ ее въ опредѣленную отвѣтственную общественно-политическую работу, она, конечно,

«обошлась»-бы, выработала въ себѣ дѣловую энергію и умѣрила бы свою заносчивую идейность. Но царскій режимъ этого не сдѣлалъ и по всему своему существу сдѣлать, конечно, не могъ. Лишивъ интеллигенцію всякаго дѣла, онъ воспиталъ въ ней ощущеніе, что всякое громкое слово есть уже настоящее дѣло. Химерическое словодѣланіе, уплотнявшееся порою до революціоннаго мифотворчества, выросло на этой почвѣ въ главное содержаніе революціонной жизни интеллигенціи. Перспективы сдвигались: словесныя дистинкціи революціоннаго подполья естественно принимались за господствующія тенденціи самой жизни. Не достигающая жизни политика превращалась въ политиканство. Политиканство распростанялось на всѣ стороны и вопросы жизни; выросталъ специфически интеллигентскій панполитизмъ. Лишенный углубленной связи съ реальной хозяйственной и общественной жизнью страны этотъ панполитизмъ вертѣлъ въ революціонномъ сознаніи русской интеллигенціи свои отвлеченныя категоріи съ быстротой освобожденнаго отъ приводнаго ремня махового колеса. Въ этомъ смыслѣ весьма типиченъ фактъ, что начиная съ Герцена изъ сознанія русской интеллигенціи не исчезаетъ мысль, что мы обгонимъ Европу, потому что мы отсталая страна. Этотъ, по отношенію къ медленнымъ ритмамъ громадной страны, сумасшедше ускоренный ритмъ интеллигентскихъ чаяній и требованій ея развитія отражался весьма вредно и на идейномъ развитіи самой интеллигенціи. Съ отрывомъ интеллигенціи отъ реальной низовой народной жизни связанъ и отрывъ каждаго новаго поколѣнія интеллигентовъ отъ предыдущаго. Для русской интеллигенціи характерно расхожденіе дѣтей и отцовъ, основанное на томъ, что для совѣтъ еще юныхъ дѣтей ихъ всего только сорокалѣтніе отцы превращались въ выжившихъ изъ ума дѣдовъ. Не разъ уже отмѣчалась та роль, которую въ русской революціи играла молодежь. Этотъ «педократизмъ» русскаго революціоннаго движенія есть тоже одна изъ характернѣйшихъ формъ интеллигентской недѣловитости, интеллигентской бездѣльности. Молодость имѣетъ много достоинствъ. Но дѣловитость есть, конечно, достоинство зрѣлыхъ лѣтъ.

Подводя итоги всему сказанному о русской интеллигенции, можно сказать, что для нея характерны три основных черты:

- 1) Почти религиозная жажда служенія и подвига;
- 2) Страстная одержимость безрелигиозною идейностью;
- 3) Страстное стремленіе къ дѣйствию при наличіи доходящей до бездѣльности недѣловитости.

Всѣми этими свойствами и въ особенности скрытою въ нихъ діалектикой оторванная отъ религиозно - національныхъ корней интеллигенція отчетливо опредѣляется, какъ явленіе типично національное. Только очерченною структурою интеллигентскаго сознанія объяснима побѣда большевицкой идеологіи надъ другими идеологическими теченіями и только своеобразною, обратнo-аналогичною, созвучностью интеллигентскаго сознанія народной стихіи объяснима побѣда большевиковъ надъ Россіей.

Большую роль сыграла въ этой побѣдѣ и война, родственная русской душевной стихіи и своею религиозною глубиной и своимъ темнымъ варварствомъ.

Объ этомъ въ слѣдующій разъ.

Федоръ Степунъ.